

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.186-194

А. А. Долгиев*

Антикоррупционные иски прокурора: соотношение частного и публичного интереса

Аннотация. В статье исследуется проблема применения общих сроков исковой давности, установленных гражданским законодательством, к антикоррупционным искам прокуроров. Автор выявляет существенное противоречие между цивилистическими принципами правовой определенности и стабильности оборота, на которых базируется институт исковой давности, и публично-правовыми задачами противодействия коррупции, обеспечения неотвратимости ответственности и защиты основ конституционного строя. Рассматриваются противоположные научные позиции: от полного отрицания применимости исковой давности к таким требованиям до практической критики последствий ее применения. Исследуется правовая позиция Верховного Суда РФ, настаивающего на обязательном применении общих сроков в силу принципа равенства участников гражданского оборота. Доказывается, что сложившаяся судебная практика освещает серьезный законодательный пробел, не учитывающий публично-правовую природу антикоррупционных исков. Аргументируется необходимость комплексной законодательной реформы, предлагается создание специального процессуального режима с дифференцированными сроками давности, исчисляемыми с момента обнаружения правонарушения, и перенос рассмотрения данных дел в рамки административного судопроизводства.

Ключевые слова: антикоррупционные иски прокурора; сроки исковой давности по искам прокурора; принцип правовой определенности; исковая давность; стабильность гражданского оборота; публичный интерес; постановление Конституционного Суда РФ № 49-П; деприватизация; конфискация коррупционных доходов; виндикационный иск

Для цитирования: Долгиев А. А. Антикоррупционные иски прокурора: соотношение частного и публичного интереса // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 7. — С. 186–194. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.186-194

© Долгиев А. А., 2026

* Долгиев Адам Адамович, кандидат экономических наук, медиатор, член Ассоциации юристов России Мясницкая ул., д. 24/7, стр. 1, подъезд 8, г. Москва, Российская Федерация, 101000 law-journal@internet.ru

Anti-Corruption Lawsuits Filed by the Prosecutor: Balancing Private and Public Interests

Adam A. Dolgiev, Cand. Sci. (Economics), Mediator; Member, Association of Lawyers of Russia,
Moscow, Russian Federation
law-journal@internet.ru

Abstract. The paper examines the problem of applying general statutes of limitations established by civil legislation to anti-corruption claims filed by prosecutors. The author identifies a substantial contradiction between the civil law principles of legal certainty and stability of commerce, which underlie the institution of limitation of actions, and the public-law tasks of combating corruption, ensuring the inevitability of liability, and protecting the foundations of the constitutional order. Opposing scientific positions are considered: from a complete denial of the applicability of limitation of actions to such claims to practical criticism of the consequences of its application. The legal position of the Supreme Court of the Russian Federation, which insists on the mandatory application of general time limits due to the principle of equality of participants in civil transactions, is examined. It is demonstrated that established judicial practice highlights a serious legislative gap that does not take into account the public-law nature of anti-corruption lawsuits. The author argues for the necessity of comprehensive legislative reform, proposing the establishment of a special procedural regime featuring differentiated limitation periods that run from the moment the offense is discovered, as well as the reclassification of such cases to the framework of administrative procedure.

Keywords: anti-corruption claims filed by the prosecutor; statute of limitations for prosecutorial actions; legal certainty principle; limitation of actions; stability of civil transactions; public interest; Constitutional Court of the Russian Federation Resolution No. 49-P; deprivatization; forfeiture of corruption-derived assets; vindication claim

Cite as: Dolgiev AA. Anti-Corruption Lawsuits Filed by the Prosecutor: Balancing Private and Public Interests. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(7):186-194. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7. 186-194

Институт сроков занимает одно из центральных мест в механизме частноправового регулирования, выполняя функцию стабилизации гражданского оборота и обеспечения правовой определенности. В цивилистической доктрине под сроком традиционно понимается определенный период или момент, с наступлением или истечением которого закон связывает возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей¹. Как отмечали классики российской цивилистики, сроки упорядочивают гражданский оборот, создают определенность и устойчивость правовых связей, дисциплинируют их участников, способствуют соблюдению хозяйственных договоров, обеспечивают своевременную защиту

прав и интересов субъектов гражданских правоотношений². Дореволюционная наука имела четкое представление о сроках и их значении в гражданском праве, формулируя воспитательную и превентивную их функции³.

Особый вид сроков — срок исковой давности. Согласно ст. 195 Гражданского кодекса РФ, исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено. Это объективный временной предел, установленный государством для принудительной реализации нарушенного субъективного права через суд. Его ключевое назначение — прекращение правовых притязаний и обеспечение устойчивости права⁴. Институт исковой давности носит императивный характер (ст. 198 ГК РФ)

¹ Рогожин С. В. Классификация сроков защиты прав и законных интересов в механизме частноправового регулирования: некоторые тенденции на современном этапе // *Российский судья*. 2025. № 2. С. 7–10.

² Кириллова М. Я., Крашенинников П. В. Сроки в гражданском праве. Исковая давность. 3-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2016. С. 12.

³ Мейер Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч. Ч. 1. М. : Статут, 2003. С. 144–149.

⁴ Новицкий И. Б. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. Т. 1. М. : Статут, 2006. С. 343.

и применяется судом только по заявлению стороны в споре (ст. 199 ГК РФ). Однако традиционные доктринальные подходы к исковой давности, сформированные для частноправовых споров, столкнулись с серьезным вызовом применительно к требованиям особого рода — антикоррупционным искам прокуроров. Речь идет об исках, предъявляемых в порядке гражданского судопроизводства, об обращении в доход Российской Федерации имущества, приобретенного лицами, замещавшими государственные или муниципальные должности, на суммы, превышающие их законные доходы, и в нарушение антикоррупционного законодательства (пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ).

Правовая природа этих исков — предмет острой научной дискуссии. С одной стороны, они формально предъявляются в рамках гражданского процесса и направлены на изъятие имущества. С другой — их основанием выступает не частное правонарушение (деликт), а совершение публичного правонарушения — коррупционного деяния. Цель состоит не в восстановлении нарушенного права конкретного лица, а в защите публичных интересов, обеспечении принципа неотвратимости ответственности за коррупцию и конфискации неправомерно приобретенного актива.

Важнейший вопрос, порождаемый свойствами антикоррупционного иска: подпадают ли такие публично-правовые (по сути) требования под действие общих сроков исковой давности, установленных главой 12 ГК РФ? Разрешение этого вопроса имеет принципиальное значение, поскольку истечение сроков давности является самостоятельным основанием для отказа в иске (п. 2 ст. 199 ГК РФ), что на практике может привести к легализации коррупционных доходов.

Как справедливо отмечает Конституционный Суд РФ в постановлении от 31.10.2024 № 49-П⁵, применение универсальных подходов к суще-

ству и порядку исчисления сроков исковой давности к искам, связанным с обращением в доход государства имущества, изъятых вследствие совершения коррупционных действий, может фактически поощрять коррупционную деятельность, способствовать изобретению более изощренных способов сокрытия имущества, полученного в результате коррупции.

Таким образом, формируется проблемное поле, в центре которого находится конфликт между классическими частноправовыми принципами исковой давности, направленными на обеспечение стабильности оборота и правовой определенности, и публично-правовыми задачами противодействия коррупции, требующими эффективности, неотвратимости ответственности и защиты основ конституционного строя. Вместе с тем, отвечая на вопросы о применении сроков давности к антикоррупционным искам прокурора, нельзя обойти вниманием базовые тезисы, касающиеся участия публично-правовых образований в гражданском обороте, так как в соответствии со ст. 124 ГК РФ Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования являются полноправными участниками гражданских правоотношений на началах равенства с гражданами и юридическими лицами. Это положение исключает возможность предоставления публичным образованиям процессуальных преимуществ или изъятий из общих правил гражданского судопроизводства по усмотрению суда. Данный тезис подтверждается позицией ведущих цивилистов, в частности Е. А. Суханова, который последовательно пишет о том, что публично-правовой статус, предоставляя необоснованные привилегии, нарушает само существо экономического оборота⁶.

Настоящее исследование ставит своей целью проанализировать указанную проблему через призму ключевых научно-практических позиций и, полагаясь на них, сформулировать комплекс-

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Суханов Е. А. Гражданский кодекс в поиске баланса частных и публичных интересов // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2019. № 6. С. 3–12.

ное понимание специфики сроков защиты прав в сфере антикоррупционных исков.

Как показывает практика, предметом антикоррупционного иска выступают как денежные средства, полученные в результате коррупционного преступления (материальный компонент), так и юридическая квалификация действий по получению взятки как недействительной (ничтожной) сделки⁷ (признание самих действий по передаче и получению имущества противоправной гражданско-правовой сделкой). Такое взыскание или возмещение не является наказанием, иной мерой уголовно-правового характера (конфискацией). Это гражданско-правовое последствие признания сделки недействительной позволяет прокурору использовать гражданский процесс как механизм восстановления нарушенных прав государства, даже если уголовный закон не был применен в полной мере для обращения в казну незаконно приобретенных активов.

В доктрине права обозначен ряд противоположных воззрений относительно применения механизма исковой давности к антикоррупционным искам прокурора. Так, С. А. Сеницын рассматривает антикоррупционный иск как особый правовой феномен, имеющий публично-правовую, а не гражданско-правовую природу. По его мнению, прокурор, предъявляя такое требование, реализует не частное право на иск, а государственно-властную компетенцию по надзору за законностью⁸. Следовательно, институт исковой давности, созданный для стабилизации гражданского оборота и защиты частных интересов, в принципе не может быть применен к публично-правовому механизму защиты основ конституционного строя. Названный автор указывает на правовую неопределенность и предлагает законодательно закрепить особый режим для таких требований: либо полностью исключить их из-под действия исковой давности, либо

установить специальные сроки административной давности в рамках публичного права.

Концепция С. А. Бочкарева, наоборот, носит ярко выраженный практический характер. Опираясь на исторический контекст и массу примеров из современной правоприменительной практики, он обрушивается с резкой критикой на саму идею применения исковой давности к антикоррупционным искам⁹. В этом он видит парадокс, ведущий к легализации коррупционных доходов, уравниванию коррупционеров с добросовестными участниками оборота и разрушению принципа неотвратимости ответственности. Бочкарев акцентирует внимание на латентности коррупции, для раскрытия которой требуются годы, и на цинизме ситуации, когда государство проигрывает в суде собственному коррумпированному чиновнику, ссылаясь на пропуск срока. Таким образом, Бочкарев настаивает не просто на изменении подхода, а на категорическом отказе от применения давности, следуя, по его утверждению, конституционным целям.

Сравнивая эти две позиции, можно сказать, что они являются взаимодополняющими, а не противоречащими друг другу. Сеницын предоставляет сильное теоретическое обоснование того, почему исковая давность не должна применяться, аргументируя это фундаментальным различием между частным и публичным правом. Бочкарев, в свою очередь, приводит убедительные практические аргументы, показывая, к каким серьезным последствиям ведет игнорирование этой теоретической проблемы. Оба автора разными путями приходят к одному главному выводу, что автоматическое применение гражданских сроков исковой давности к антикоррупционным искам недопустимо.

На наш взгляд, обе точки зрения верные и убедительные. Теоретическая строгость Сеницына находит полное подтверждение в аргумента-

⁷ Григорьева Н. Н., Петушков Д. Н. Предмет антикоррупционного иска — денежные средства, полученные в качестве взятки // Законность. 2021. № 5. С. 23–24.

⁸ Сеницын С. А. Сроки исковой давности по антикоррупционным искам об изъятии имущества из частной собственности: вопросы правовой квалификации // Журнал российского права. 2025. № 1. С. 131–140.

⁹ Бочкарев С. А. Институт исковой давности как несбывшаяся надежда коррупционеров // Журнал российского права. 2025. № 4. С. 104–121.

ции Бочкарева. Проблема действительно лежит в научном заблуждении — попытке регулировать публично-правовые отношения инструментами, созданными для принципиально иной сферы. Это порождает юридический абсурд, который так ярко иллюстрирует Бочкарев.

Публично-правовая природа антикоррупционного иска — ключевой тезис, с которым нельзя не согласиться. Цель такого иска — не восстановление нарушенного частного права, а защита основ публичного порядка, изъятие незаконно нажитого имущества и обеспечение принципа неотвратимости ответственности. Это, безусловно, не спор двух частных лиц (субъектов гражданских правоотношений) о договоре. Стоит также согласиться с тем, что на обнаружение коррупционных схем могут уйти годы сложнейшей оперативной и следственной работы. Применять к этому процессу общий трехлетний срок, отсчитываемый с момента «нарушения права» (который еще нужно установить), — значит сделать инструмент конфискации практически бесполезным. И это действительно ведет к неоправданной легализации коррупционных активов. Аргумент о том, что коррупция подрывает доверие к власти, основы правопорядка и экономики, — веский довод в пользу отнесения таких исков к требованиям о защите нематериальных благ, на которые исковая давность не распространяется (ст. 208 ГК РФ).

Однако полный отказ от сроков исковой давности (сначала по антикоррупционным искам, а затем и по каким-либо другим) — это путь к произволу. Абсолютная неограниченность во времени для предъявления исков создает угрозу правовой неопределенности, что может привести к злоупотреблениям со стороны правоохранительных органов. При этом значительно усложняется задача ответчика по сбору доказательств в свою защиту, тем более если имущество сменило несколько добросовестных владельцев.

Принцип правовой определенности является краеугольным камнем правового государства. Он защищает всех участников гражданского оборота (как добросовестных, так и коррупционеров), которые могут вторично приобрести имущество, не зная о его незаконном происхождении. Соответственно, полный отказ от сроков исковой давности может дестабилизировать оборот. Рассмотрение дел 20–30-летней давности сопряжено с высокими рисками утраты доказательств, смерти свидетелей, ликвидации организаций и т.д., что серьезно затрудняет установление объективной истины в суде и повышает риск судебной ошибки.

Между тем принцип правовой определенности и раньше был предметом толкования высших судебных инстанций, в частности при обсуждении приоритета принципа судебной защиты перед принципом правовой определенности, обеспечиваемым институтом исковой давности. И тогда отдавалось предпочтение первому¹⁰: «возражение ответчика о том, что требование истца основано на ничтожной сделке, оценивается судом по существу независимо от истечения срока исковой давности для признания этой сделки недействительной»¹¹.

В частности, удлиненный срок исковой давности может быть 10-, 15- или 20-летним, но не может быть бесконечным. Это даст государству реальное время на раскрытие сложных коррупционных схем, а наличие этого срока в норме закона будет иметь превентивное воздействие на коррупционеров. Выбор такого пролонгированного срока может быть обоснован статистическими данными о средних сроках расследования сложных преступных схем, имеющих зачастую транснациональный характер и требующих международно-правового сотрудничества. Определение особого момента начала течения срока должно быть очевидным для участников оборота. Срок должен исчисляться не с момента нарушения права (что невозможно

¹⁰ Хабриева Т. Я., Ковлер А. И., Курбанов Р. А. Доктринальные основы практики Верховного Суда РФ : монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : Норма, Инфра-М, 2023.

¹¹ См.: абз. 4 п. 71 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

для скрытых преступлений), а с момента, когда уполномоченный государственный орган обнаружил или должен был обнаружить признаки невозможности законного приобретения имущества. Как верно отмечает С. А. Синицын, закрепление этого особого правового режима на уровне закона позволит устранить пробел в правоприменении и вывести вопросы исковой давности антикоррупционных исков из-под действия положений гл. 12 ГК РФ.

Существует принципиальное противоречие между материально-правовой и процессуальной квалификацией требований, предъявляемых прокурором в защиту интересов государства. С материальной точки зрения интерес государства всегда носит публичный характер, однако процессуально такие иски рассматриваются в порядке традиционного искового производства, предназначенного для разрешения частноправовых споров между равными субъектами. Эта коллизия стала очевидной в свете постановления Конституционного Суда РФ № 49-П: действующее законодательство не содержит специальных правил для рассмотрения дел, где одной стороной является частное лицо, а другой — государство, реализующее публичный интерес.

Проблема применения исковой давности к требованиям прокурора вытекает из предыдущей проблемы. Поскольку иски прокурора рассматриваются в рамках гражданского судопроизводства, на них в полной мере должны распространяться общие правила об исковой давности. Вместе с тем природа некоторых правонарушений, на которые реагирует прокурор (коррупция, незаконная приватизация), ввиду короткого срока исковой давности снижает эффективность такого инструмента защиты. Отсутствует и нормативная возможность для прокурора заключить мировое соглашение¹².

Исследование правовой позиции Верховного Суда РФ, изложенной в определении от

25.02.2025 № 127-КГ24-29-К4¹³, в контексте соотношения принципа правовой определенности и полномочий прокурора по предъявлению исков в защиту публичных интересов позволило выявить существенную проблему, возникающую на стыке частных и публичных начал при разрешении дел данной категории.

Верховный Суд однозначно подтвердил императивный характер действия принципа правовой определенности и института исковой давности в отношении требований, заявляемых прокурором. Несмотря на публично-правовую природу антикоррупционных исков и их направленность на защиту основ правопорядка, Суд указал, что действующее законодательство не содержит изъятий из общих правил о сроке исковой давности для требований имущественного характера, к которым принадлежат иски об истребовании из чужого незаконного владения. Следовательно, ссылка на защиту неимущественных благ не может служить основанием для неприменения давности к виндикационным искам. Главная проблема — игнорирование судами необходимости оценки добросовестности приобретателя. Верховный Суд подчеркнул, что неисследование этого вопроса нарушает баланс между защитой публичного интереса и охраной прав добросовестных участников оборота, которые приобрели имущество, полагаясь на законность выданных государством документов.

Таким образом, позиция Верховного Суда не отрицает значимости борьбы с коррупцией, но акцентирует необходимость ее проведения в строгих процессуальных рамках действующего материального права. Разрешение выявленных противоречий видится не в судебном пересмотре устоявшихся цивилистических доктрин (например, путем использования государством полномочий Конституционного Суда РФ), а в разработке и законодательном закреплении специального правового режима для антикоррупционных исков. Такой режим мог бы пред-

¹² Долгиев А. А. Посредничество в урегулировании гражданско-правовых конфликтов как средство защиты государственных интересов (в деятельности медиаторов и нотариусов) // Нотариальный вестник. 2025. № 8. С. 24–32.

¹³ URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-25022025-n-127-kg24-29-k4-uid-91rs0014-01-2022-002801-27/>.

усматривать увеличенные сроки давности, исчисляемые с момента обнаружения правонарушения, что позволило бы учесть латентный характер коррупции, одновременно гарантируя соблюдение принципа правовой определенности.

Разрешение отмеченных проблем невозможно на уровне судебного толкования и требует вмешательства законодателя, так как слишком глубоки корни коррупции в экономическом обороте, начиная с момента приватизации объектов государственной собственности, как показывают исследования С. А. Бочкарева¹⁴. Более того, данный автор утверждает, что антикоррупционный иск прокурора не является иском в его классическом понимании, приводя в своих работах целостную концепцию, построенную на разграничении частного и публичного права, подкрепленную анализом судебной практики и ориентированную на обеспечение эффективности государственной антикоррупционной политики через неприменение к ней института исковой давности.

Однако современное процессуальное право в теории и в законодательстве значительно расходится. И, как нами указано выше, необходимо закрепление специального (особого) процессуального режима в рамках гражданского судопроизводства, который бы включал основания приостановления течения и исчисления сроков исковой давности (например, с момента обнаружения нарушения прокурором). Кроме того, потребуется перенос рассмотрения этих дел в плоскость административного судопроизводства, которое изначально было предназначено для разрешения публично-правовых споров. Это позволит учесть специфику спора, неравное положение сторон, презумпцию добросовестности государственного органа, специализацию судей в публично-правовых спорах и правила распределения бремени доказывания.

Таким образом, судебная практика указывает на недопустимость произвольного отказа от применения исковой давности к имуществен-

ным требованиям прокурора на том лишь основании, что они заявлены в защиту публичных интересов. Такой подход нарушает принцип равенства участников гражданского оборота и принцип правовой определенности. Однако эта же практика обнажает серьезный законодательный пробел, так как механизмы судебной защиты не учитывают специфику публично-правовых исков, что ставит государство в заведомо невыгодное положение при защите своих имущественных прав (особенно от правонарушений коррупционного характера).

Позиция Конституционного Суда РФ, изложенная в постановлении № 49-П, имеет явно незавершенный характер. С одной стороны, Суд обоснованно указывает на публично-правовую природу антикоррупционных исков, а с другой — не решает проблему в общеправовом смысле, а лишь создает точечное изъятие для узкой категории дел (обращение в доход коррупционно нажитого имущества), оставляя без внимания другие нарушения (например, незаконную приватизацию). С учетом современных правовых тенденций прокурорская практика пресечения масштабных правонарушений прошлых лет может получить развитие, к которому процессуальное законодательство будет не готово.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что сложившаяся судебная практика, базирующаяся на формальном толковании норм ГК РФ, обозначила существенный законодательный пробел, разрешение которого требует комплексной реформы законодательства. Ее целью должно стать обеспечение баланса между двумя конституционными ценностями: принципом правовой определенности и стабильности гражданского оборота (защищающим в том числе и добросовестных приобретателей) и обязанностью государства охранять публичную собственность, бороться с коррупцией. Таким решением может стать создание специального процессуального режима для исков в защиту публичных интересов, который предусматри-

¹⁴ Бочкарев С. А. Коррупция вне сроков исковой давности // Законность. 2021. № 2. С. 8–12 ; Он же. Субъекты гражданско-правовой ответственности за коррупцию // Законность. 2021. № 3. С. 3–8.

вал бы дифференцированные сроки давности и особые правила их исчисления, прямо закрепленные в законе, а также перенос судебной процедуры в административное судопроизводство.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бочкарев С. А. Институт исковой давности как несбывшаяся надежда коррупционеров // Журнал российского права. — 2025. — № 4. — С. 104–121.
2. Бочкарев С. А. Коррупция вне сроков исковой давности // Законность. — 2021. — № 2. — С. 8–12.
3. Бочкарев С. А. Субъекты гражданско-правовой ответственности за коррупцию // Законность. — 2021. — № 3. — С. 3–8.
4. Григорьева Н. Н., Петушков Д. Н. Предмет антикоррупционного иска — денежные средства, полученные в качестве взятки // Законность. — 2021. — № 5. — С. 23–24.
5. Долгиев А. А. Посредничество в урегулировании гражданско-правовых конфликтов как средство защиты государственных интересов (в деятельности медиаторов и нотариусов) // Нотариальный вестник. — 2025. — № 8. — С. 24–32.
6. Кириллова М. Я., Крашенинников П. В. Сроки в гражданском праве. Исковая давность. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Статут, 2016. — 80 с.
7. Мейер Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч. Ч. 1. — М. : Статут, 2003.
8. Новицкий И. Б. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. Т. 1. — М. : Статут, 2006.
9. Рогожин С. В. Классификация сроков защиты прав и законных интересов в механизме частноправового регулирования: некоторые тенденции на современном этапе // Российский судья. — 2025. — № 2. — С. 7–10.
10. Синицын С. А. Сроки исковой давности по антикоррупционным искам об изъятии имущества из частной собственности: вопросы правовой квалификации // Журнал российского права. — 2025. — № 1. — С. 131–140.
11. Суханов Е. А. Гражданский кодекс в поиске баланса частных и публичных интересов // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. — 2019. — № 6. — С. 3–12.
12. Хабриева Т. Я., Ковлер А. И., Курбанов Р. А. Доктринальные основы практики Верховного Суда РФ : монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева. — М. : Норма, Инфра-М, 2023. — 384 с.

Материал поступил в редакцию 20 сентября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bochkarev S. A. Institut iskovoy davnosti kak nesbyvshayasya nadezhda korruptsionerov // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2025. — № 4. — S. 104–121.
2. Bochkarev S. A. Korruptsiya vne srokov iskovoy davnosti // Zakonnost. — 2021. — № 2. — S. 8–12.
3. Bochkarev S. A. Subekty grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti za korruptsiyu // Zakonnost. — 2021. — № 3. — S. 3–8.
4. Grigoreva N. N., Petushkov D. N. Predmet antikorrupsionnogo iska — denezhnye sredstva, poluchennye v kachestve vzyatki // Zakonnost. — 2021. — № 5. — S. 23–24.
5. Dolgiev A. A. Posrednichestvo v uregulirovanii grazhdansko-pravovykh konfliktov kak sredstvo zashchity gosudarstvennykh interesov (v deyatelnosti mediatorov i notariusov) // Notarialnyy vestnik. — 2025. — № 8. — S. 24–32.
6. Kirillova M. Ya., Krasheninnikov P. V. Sroki v grazhdanskom prave. Iskovaya davnost. — 3-e izd., ispr. i dop. — M.: Statut, 2016. — 80 s.

7. Meyer D. I. Russkoe grazhdanskoe pravo: v 2 ch. Ch. 1. — M.: Statut, 2003.
8. Novitskiy I. B. Izbrannyye trudy po grazhdanskomu pravu: v 2 t. T. 1. — M.: Statut, 2006.
9. Rogozhin S. V. Klassifikatsiya srokov zashchity prav i zakonnykh interesov v mekhanizme chastnopravovogo regulirovaniya: nekotorye tendentsii na sovremennom etape // Rossiyskiy sudya. — 2025. — № 2. — S. 7–10.
10. Sinitsyn S. A. Sroki iskovoy davnosti po antikorrupsionnym iskam ob izyatii imushchestva iz chastnoy sobstvennosti: voprosy pravovoy kvalifikatsii // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2025. — № 1. — S. 131–140.
11. Sukhanov E. A. Grazhdanskiy kodeks v poiske balansa chastnykh i publichnykh interesov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11, Pravo. — 2019. — № 6. — S. 3–12.
12. Khabrieva T. Ya., Kovler A. I., Kurbanov R. A. Doktrinalnye osnovy praktiki Verkhovnogo Suda RF: monografiya / otv. red. T. Ya. Khabrieva. — M.: Norma, Infra-M, 2023. — 384 s.